

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

LITERARY DIMENSION

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-4-683-699

EDN: DLRXVS

Научная статья / Research article

В «приглушенном» свете этничности. Поэзия мари Геннадия Сабанцева-Ояра

А.А. Арзамазов^{ID}

Казанский научный центр Российской академии наук, *Казань, Российская Федерация*;
Российский университет дружбы народов, *Москва, Российская Федерация*

✉ arzami@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрены художественные особенности поэтического творчества одного из наиболее ярких представителей современной марийской литературы — Геннадия Ояра. Стихотворения поэта, вошедшие в сборник «Всполохи сердца», проанализированы в контексте реалий становления и развития словесности мари, с учетом стадийно-типологической специфики финно-угорских литератур России. Исследован мотивно-образный кластер произведений Геннадия Ояра, сделан вывод о том, что его творческие высказывания отличаются глубинным философским началом, художественной актуализацией универсальных общечеловеческих тем. Установлено, что поэт в своих стихотворениях «пропускает» целый ряд важных с точки зрения реализации собственной творческой концепции перспективных стратегий — так, речь может идти лишь о низкой степени присутствия в образно-символической системе Ояра фольклорно-мифологической компоненты, восходящей к традиционным верованиям мари. При этом выявлено, что Геннадий Ояр в своей поэзии большое внимание уделяет процессу возвращения исторической правды марийцев, без которой невозможно подлинное конструирование этногуманитарной интеллектуальной реальности. Также затронуты этнически релевантные темы, персонажи (судьба родного языка, национальной интеллигенции, трагедия поэта и актера Йывана Кырли). Дана оценка качеству художественного перевода текстов Геннадия Ояра на русский язык. Подчеркивается, что его творчество корреспондирует с основными тенденциями развития марийской литературы рубежа XX–XXI столетий.

Ключевые слова: Г. Ояр, литература народов РФ, поэзия мари, художественные особенности, мотивно-образный комплекс, этническая идентичность, художественный перевод

История статьи: поступила в редакцию 03.07.2024; принята к печати 11.10.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Арзамазов А.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Арзамазов А.А. В «приглушенном» свете этничности. Поэзия мари Геннадия Сабанцева-Ояра // Полилингвильность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 4. С. 683–699. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-683-699>

In the “Dim” Light of Ethnicity. Poetry of Mari Gennady Sabantsev-Oyar

Aleksey A. Arzamazov^{ID}

Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, *Kazan, Russian Federation*;
RUDN University, *Moscow, Russian Federation*
✉ arzami@rambler.ru

Abstract. The study discusses the artistic features of the poetic work of Gennady Oyar, who is one of the most prominent representatives of modern Mari literature. The poems included in the collection “Flashes of the Heart” are analyzed in the context of the realities of the formation and development of Mari literature, taking into account the stage-typological specificity of the Finno-Ugric literatures of Russia. The motive-figurative cluster of Gennady Oyar’s works is examined, and the conclusion is drawn that his creative statements are deeply philosophical, actualizing universal human themes. It has been established that the poet in his poems “misses” a number of promising strategies that are important from the point of view of the implementation of his own creative concept, so the folklore and mythological component, going back to the traditional beliefs of the Mari, is poorly represented in Oyar’s figurative and symbolic system. At the same time, it was revealed that Gennady Oyar in his poetry pays great attention to the process of returning the historical truth of the Mari, without which the truthful construction of ethno-humanitarian intellectual reality is impossible. The work examines ethnically relevant topics and characters (the fate of the native language, the national intelligentsia, the tragedy of the poet and actor Yyvan Kyrli). The quality of the literary translation of Gennady Oyar’s texts into Russian is assessed. It is emphasized that his work corresponds with the main trends in the development of Mari literature at the turn of the 20th — 21st centuries.

Key words: G. Oyar, literature of the peoples of the Russian Federation, Mari poetry, artistic features, motif-figurative complex, ethnic identity, literary translation

Article history: received 03.07.2024; accepted 11.10.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

For citation: Arzamazov, A.A. 2024. “In the “Dim” Light of Ethnicity. Poetry of Mari Gennady Sabantsev-Oyar.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (4), 683–699. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-4-683-699>

Введение

Одно из приоритетных направлений отечественной гуманитаристики — исследование духовной культуры народов России, являющей собой уникальное цивилизационное пространство. Среди актуальных для научного рассмотрения больших тем, сложных проблем — языковые особенности, этническая специфика, реалии развития национальных литератур РФ. Разнообразный материал, основу которого составляют как работающие механизмы фольклорно-мифологической памяти, так и индивидуально-авторское стремление к эпатазирующей постмодернистской действительности, — представляет значительный

интерес с точки зрения новых возможностей теоретического моделирования. Этнокультурная составляющая литературы как многомерный феномен, совокупность символически кодифицированных проявлений этноса до сих пор теоретически не осмыслена, содержательно не раскрыта. Вместе с тем современная литература народов России продолжает исследоваться в различных проблемно-тематических контекстах. За последние годы появились знаковые работы, в целом проявившие богатство и глубину этнохудожественного мировоззрения носителей разных языков, представителей разных литературных традиций. Именно к этим исследованиям в той или иной степени обращена данная статья [1–12].

В нашем случае в орбиту прочтения попадает одна из самобытных финно-угорских литератур, которую олицетворяет творчество современного марийского поэта Геннадия Ояра.

Следует подчеркнуть, что марийская литература несколько в меньшей степени, чем другие литературы народов Поволжья и Урала, «приоткрыта» русскоязычному читателю. Особенно малоизвестен ее современный пласт. Если отдельные произведения, книги марийских классиков советской эпохи были переведены на русский язык, изредка издавались, но достаточно большими тиражами, то писатели среднего и молодого поколения узнаваемы, читаемы в узком кругу своих.

Аналитическая попытка заглянуть в прошлое и настоящее марийской словесности для нас одна из наиболее сложных. И дело не только в недостаточном владении, в отличие от других финно-угорских языков, марийским-луговым (мы старались смотреть первоисточники, нередко противопоставляя их русским переводам), но и в ощущении закрытости ментальности мари. И в этом смысле литература «преломляет» стратегии поведения, траектории внутреннего самораскрытия (самозакрытия?) этноса. При всей внешней «как бы» открытости, наивной искренности, кажущейся легкости взаимодействия почти сразу осознаешь, что есть границы, которые не перейти. Особенно это непреодолимое расстояние проявляет себя, когда пытаешься проникнуть в духовные, личные измерения жизни. По всей вероятности, такова феноменология литературы мари: видимость ее простоты, художественной ясности, сюжетной прямолинейности, образно-символической прозрачности более чем обманчива. Исследователь не из этноса не поймет, не увидит многого. Но вместе с тем взгляд со стороны, извне тоже может быть полезным, аналитически плодотворным, приглашающим к взаимообогащающей полемике.

Обсуждение

Творческий путь известного современного марийского поэта Геннадия - Сабанцева-Ояра (1958) не был тернистым — поэту повезло с признанием. Родившийся в семье крестьянина Г. Сабанцев-Ояр получил высшее филологи-

ческое образование (марийский язык и литература). Его профессиональное восхождение проходило достаточно гладко — переводчик в районной газете, редакторская работа в журнале «Пачемыш» («Оса»), газетах «Ямде лий» («Будь годов») и «Кугарня» («Пятница»), опыт работы редактором в телерадиокомпании и в СМИ на Чукотке. Еще в советские годы подающего большие надежды молодого марийского писателя продвигали в Москве, активно печатали в Йошкар-Оле. Регулярно издавали на марийском и на русском новые книги стихов. В 2015 г. Г. Ояр становится народным поэтом Марий Эл, в 2018 г. за сборник «Жизневорот» удостоивается государственной премии имени С.Г. Чавайна. Внешнее отсутствие «острых углов» в его биографии контрастирует с полными трагической несправедливости судьбами национальных писателей предшествующих поколений. История с большим опозданием исправляет свои ошибки.

Геннадий Ояр принадлежит к поколению писателей, родившихся в конце 1950-х — начале 1960-х гг. В литературах народов Поволжья и Урала представители этой генерации занимают особое место. Они ворвались в литературу сразу после перестройки, оказались в творчески притягательной ситуации, когда можно всё. Сумели не только остановить «соцреалистический натиск», но и предложить свои художественные конструкты. Г. Ояр, в отличие, например, от удмуртских поэтов-сверстников (П. Захарова, В. Шибанова, Рафита Мина и др.), не ушел с головой в этнофутуристические экзерсисы, смелые поэтические эксперименты. В своих стихотворениях он придерживался проверенных правил игры, опирался на традиции предшественников. Вероятно, поэтому Г. Ояр более понимаем, читаем широкой публикой, чем эпатазирующие консервативного реципиента удмуртские этнофутуристы.

Интерпретируемая книга «Всполохи сердца»² выделяется на фоне многих других поэтических сборников марийских авторов продуманностью структуры, тематической последовательностью текстов. Однако Г. Ояр освобождает свои стихи от внешних «границ» — они не подчинены обозначенному изначально общему знаменателю в виде цикла, отдельного раздела книги. Одна тема гармонично переходит в другую, нет исследовательского ощущения содержательных «разрывов», «пустоты».

Один из инвариантных в поэтической системе Геннадия Ояра тематических комплексов — ход времени, осознание / ощущение быстротечности жизни. В книге «Всполохи сердца» значительная часть стихотворений отражает сложный экзистенциально-психологический опыт человека «переходного возраста». Ему кажется, что близится финал, совсем близко — смерть. Подобная установка меняет отношение к повседневности: лирический субъект начинает осознавать ценность каждого мгновения, становится жадным до впечатлений, эмоций.

² Ояр-Сабанцев Г. Всполохи сердца: стихи. Йошкар-Ола: Марий журнал, 2014. 200 с.

Геннадий Ояр постоянно сетует на то, что время уходит, дни пролетают: *«Ну вот — ушел, пропал, растаял / Насущный день — исчез как сон, — / А ведь лишь утром, вырастая, / Был только мне он посвящен / Со всеми алыми цветами, / С зеленой краской свежих трав... / Одна гнетет меня досада — / Ушел, пропал, растаял день»*³ (перевод Г. Смирнова).

Лирический герой Г. Ояра пребывает в напряженном состоянии сомнения — ему представляется, что жизнь проживается зря — всё суета, всё не то. В каждом «движении» мерещится пустота, видится бессмысленная праздность: *«Пчелиным жалом вдруг пронзит / Твое сознание мысль, / Что жизнь вокруг тебя бежит... / Что мог свершить еще вчера, / Увы, не совершил, — / И значит, тратил силы зря, / Инертно, праздно жил... / Но всё не видишь ты, / Что быстротечна наша жизнь, / А дни твои — пусты...»*⁴ (перевод Г. Смирнова).

Одна из проекций темы времени — поэтизация межсезонья. В тексте «Уже не зима, но весны нет в помине» автора тревожит нарушение природных биоритмов. Оттепель зимой, метели весной воспринимаются сквозь призму непредсказуемости существования. Человеку ни в чем нельзя быть уверенным. Всё хрупко и зыбко: *«Зима на дворе — всюду слякоть и сырость, / Сады зацветают — метель заметет. / Какой же провидец, скажите на милость, / Прогноз угадает, про жизнь не соврет?»*⁵ (перевод Г. Смирнова).

В рассматриваемой книге Геннадия Ояра большое количество стихотворений являет собой так называемую пейзажную лирику, в основе которой мотивно-образный комплекс «времени года». При этом природа, природные явления ожидаемо сопряжены с духовно-чувственным измерением человека, изобразительный компонент обычно вторичен, и, напротив, на первый план выходит повествовательно-содержательное начало.

Осень у Г. Ояра — время рефлексии. В целом ряде стихотворений лирический субъект пытается разобраться в себе, возвращается к прошлому, радуется временному «очистительному» одиночеству, вновь его угнетает, обескураживает скорость жизни. Стихи, обращенные к осени, чаще объемные, «многословные». Автор в них совмещает образно-описательный план с философско-психологическими сюжетами. Осенние стихи в творчестве марийского поэта, как правило, диалогичны. В текст регулярно вводится «Ты»-субъект, за которым стоят разные лица, персонажи — возлюбленная, друг, читатель, сам писатель.

В «осенних» стихотворениях использованы неожиданные образные ряды, усиливающие психологический контекст произведения: *«Да, бывает с нами (я такое видел): / Вдруг твоё пространство сузится до ветки... / Но в душе погаснет уголек обиды — / Мы уже большие, мы уже не детки...»*⁶ (перевод Г. Смирнова).

³ Ояр-Сабанцев Г. Всполохи сердца: стихи. Йошкар-Ола: Марий журнал, 2014. С. 14.

⁴ Там же. С. 16–17.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Там же. С. 26.

Ключевой символ осени в лирике Г. Ояра — опадающие листья, обещающие лирическому герою расставание и ожидание.

Своеобразный символический диапазон у зимы. Это время года освобождает лирического субъекта от тяжести «летних» любовных противоречий, всё более набирающих экзистенциальную значимость разочарований, заблуждений в себе и других. Зимой возникает непреодолимое расстояние между мужчиной и женщиной, что однако не вызывает больше страха одиночества, парализующего эмоционального напряжения: «...*Моя боль и отрада! / Не увидимся мы / Посреди снегопада, / Посредине зимы. / Я спокоен, не взвинчен, / Знать желая о том: / С кем ты делишься нынче / Задушевым теплом?*»⁷ (перевод Г. Смирнова).

Снег, снегопад обещают спасительное очищение, успокоение, замирание сложной внутренней жизни. Зимой всё проще и понятнее.

Стихотворения о весне «Предвесеннее»⁸, «Весеннее»⁹, «Зеленое пламя весны»¹⁰ менее интересны, разнообразны sub specie представленных экзистенциально-психологических контекстов, образной символики. Эти тексты созерцательные, пейзажные, в них превалируют однотипные положительные эмоции, связанные с пробуждением, преображением природы родной земли.

У Геннадия Ояра сложные отношения с советской эпохой. Его наиболее эмоционально насыщенные, экспрессивные тексты о двуличной природе социалистического мироустройства, отсутствии правды, вакууме жизни в СССР. «Пробудившееся» сознание ужасается обыкновениям недавнего прошлого — как мог человек так жить: «*Всем миром строили «коммуну»... / Но три столба — хоть в дом неси — / Стоят и днем и в свете лунном: / Не верь!.. Не бойся!.. Не проси!.. / Кто скажет людям — что за время? / И кто ответит — что за век? / Вожжи плюют холопам в темя, / Унижен гордый человек... / Мы всё приемлем с желчным вкусом / Что толку призрак обвинять...*»¹¹ (перевод Г. Смирнова).

Лирический герой обижен, разочарован, растерян. Он еще не в силах отпустить свою советскую часть жизни, решительно перечеркнутую новым временем. От него уже ничего не зависит, его мировоззрение становится всё более апокалиптическим. Подобранные рифмы происходящему — горечь, пустота, бездна: «*Всё глубже бездна. Зов не слышен. / Рука встречает пустоту. / И кровь стучит в ушах и душит, / И горечь терпкая во рту...*»¹² (перевод Г. Смирнова).

В стихотворении «На мездурском кладбище» поэт затрагивает тему сталинских репрессий. В 1937–1938 гг. в упомянутом месте происходили массовые расстрелы невинных людей. Данное произведение Г. Ояра — одно из

⁷ Ояр-Сабанцев Г. Вспохои сердца: стихи... Там же. С. 30.

⁸ Там же. С. 33.

⁹ Там же. С. 34.

¹⁰ Там же. С. 35.

¹¹ Там же. С. 123–124.

¹² Там же. С. 123.

поэтически ярких и знаковых обращений в марийской литературе к еще недавно запретным сюжетам, один из заслуживающих внимания индивидуально-авторских опытов создания художественного дискурса памяти о трагедии тоталитаризма. В тексте отменяются физические законы времени, прошлое «наступает» на настоящее, живое и мертвое неразличимы. В произведениях трагического звучания нередко на первый план выходят физиоментальные свойства переживающего индивидуума, получает усиление визуальный компонент. Пространство, действия лирических субъектов становятся кинематографически выразительными, сверхслышимыми. Обоняние обостряется, повсюду — новые запахи: *«В мездурской чаще лижет пламя свеч / Прогорклый воздух, запах Иван-чая... / А рядом тень — не сдвинуть, не отвлечь — / Нависла. Каждый шорох отмечает. / Как будто черный полог всех накрыл, / Могла бы если — всех бы подтолкнула / В сырые жерла вырытых могил. / Вот выстрел слышу. Вьется дым из дула... / Стою, оглохший. Пламя свеч дрожит. / Зловеще тень бормочет, отступая. / Малец к руке старушки как пришит, / На свет неяркий смотрит не мигая...»*¹³ (перевод Г. Смирнова).

Такое «мультипликативное» ощущение хронотопа лирическим героем обусловлено в том числе этномифологическими представлениями, набором устойчивых психологических «кодов» восприятия, реагирования. Кладбище — место сакральное, топос соприкосновения миров — здесь человек особенно уязвим. Любые внешние знаки этноформ прочитываются с большим вниманием, осторожностью. Кроме того, места массовой гибели людей всегда оказывают значительное эмоциональное давление. Это территория смерти, сознание выделяет любое проявление другого, необыкновенного.

Мотивно-тематический комплекс смерти в поэтическом творчестве Г. Ояра представлен достаточно широко. Неоднократно встречается образ могилы. Это может быть одинокая могила (см.: одноименное стихотворение)¹⁴, мимо которой нельзя пройти. Лирический герой погружается в печальные размышления, пересматривает события собственной жизни, гадает, кто и почему похоронен столь странным образом. Стихотворно обыгрываемый сюжетно-ситуативный контекст, по всей вероятности, восходит к образцам классической русской поэзии, романтизирующей раннюю смерть, заброшенные могилы, одинокие захоронения. В стихотворении «На могиле поэта» лирический герой приходит на могилу Валентина Колумба, рассуждает о высоком назначении поэзии и экзистенциальной незащищенности поэта. В презентуемом топосе смерти вновь о себе заявляет природный космос: *«И там он, и здесь — моросит — / Дождь с пылью с надгробий стекает. / И ветер целует цветы... / Расступятся вновь предо мной / Сирени кусты и деревья, / Наверное, знают они: / Всё братство поэтов со мной... / Нам слушать серебряный звук, / Что дождик рассыпал*

¹³ Ояр-Сабанцев Г. Всполохи сердца: стихи... С. 129.

¹⁴ Там же. С. 108.

*над нами, / И шелест листвы молодой / Услышит могильная тьма. / И ветер подует в лицо, / Касаясь прохладно устами...*¹⁵ (перевод Г. Смирнова).

С темой смерти контекстуально сопряжен и ряд мифологических представлений, раскрывающихся в произведениях Г. Ояра. Это в первую очередь представления о душе и судьбе. Так, ассоциирование души умершего с бабочкой свойственно многим финно-угорским народам. Ояр поэтически актуализирует данное распространенное фольклорно-мифологическое образное отождествление: *«Заживем, тоску-печаль не зная... / Бабочка забьется о стекло — / Чью же душу из святого рая / В мир наш беспокойный занесло?»*¹⁶ (перевод М. Василевской).

Некоторые представления о душе имеют явные христианские корни. И в данном случае это могут быть не только религиозные установки автора, но и осознанное / бессознательное художественное снижение исходных мифологических контекстов со стороны переводчика, стремящегося «упаковать» текст в более привычные символы и смыслы. В стихотворении «Глядя на проплывающие облака» лирический герой предполагает, что его душа окажется на небе, среди облаков. Ее встретят ангелы: *«Тучи по синему небу охатками / Медленно вдаль над землею плывут. / Душу мою, неостывшую, жаркую, — / Знаю — с собою однажды возьмут. / Ангелы неба, послушные Богу, / Встретят ее, как встречали отцов. / Не был я ангелом в жизни от роду — / Вправе ли ждать отпущенья грехов?»*¹⁷ (перевод М. Василевской).

Постулируемое ожидание отпущения грехов – христианская «вершина» этого текста. Для языческих верований, картины мира марийской традиционной культуры подобные воззрения не характерны. Ангелы, к слову, встречаются и в других стихотворениях Г. Ояра (см.: *«Сойти с полдороги к безбрежью, к безлюдью? — / Мой ангел, услышь и храни!..»*).¹⁸

Регулярно в своих произведениях автор обращается к мифологеме судьбы, выдвигая генетически пограничные образно-ассоциативные конструкты. В тексте «Два берега»¹⁹ вводится понятие реки-судьбы, по которой плывет человек. Очевидна изначально сильная мифологическая позиция реки, в представлении многих (не только финно-угорских) народов связывающей этот и тот миры, воспринимаемой как граница между живым и мертвым.

С понятием судьбы в одном из стихотворений Г. Ояра сопряжен образ коня:

*Я коня судьбы надежно
К дальней скачке подковал!..*²⁰
(перевод Г. Ояра)

¹⁵ Ояр-Сабанцев Г. Вспохои сердца: стихи... С. 130–131.

¹⁶ Там же. С. 110.

¹⁷ Там же. С. 111.

¹⁸ Там же. С. 114.

¹⁹ Там же. С. 116.

²⁰ Там же. С. 118.

Лирический герой таким образом подчеркивает, что он хозяин своей судьбы. Он не соглашается с мировоззренческими постулатами своих предков о том, что всё изначально предрешиено. Напротив, человек сам определяет свой путь, прокладывает дорогу жизни. Распространенность символа коня в марийской литературе, по-видимому, может объясняться многовековыми контактами марийцев с тюркскими народами, воздействием тюркских этнокультур на финно-угорские.

В целом мифологический пласт в поэзии Г. Ояра при всей его художественной привлекательности не получает возможного разнопланового раскрытия, проявляется эпизодически. Речь может идти о редуцированных редких мифологических подтекстах того или иного мотива, образа, коммуникативного «жеста» лирического субъекта.

Одно из центральных тематических измерений поэзии Геннадия Ояра — в широком смысле марийский мир, марийская идентичность. Поэту очень важно отметить свою этническую принадлежность, в лучшем свете перед читателем представить марийский народ. Несколько текстов из обозначенного мотивно-тематического комплекса обращены к знаменитым марийцам (поэтам, композиторам). Г. Ояр, таким образом, как бы обозначает «гуманитарное поле» своего народа, создает свою духовную иерархию. Эти стихи-посвящения «великим-своим», друг за другом появляются в национальной литературе после перестройки, в 1990-е гг., когда возникла острая потребность в конструировании собственного интеллектуального тезауруса. В стихотворении «Мустафа-Кырля» поэт вспоминает Йывана Кырлю (1909–1943) — марийского поэта и актера, человека трагической судьбы, «блеснувшего» в роли Мустафы в первом легендарном советском звуковом фильме «Путевка в жизнь» и сгинувшего в сталинских лагерях. Рассматриваемое произведение — редкий для марийской литературы пример диалога искусств, интерферирования двух различных знаковых систем: воспроизводятся отдельные эпизоды упомянутого фильма, герой-Мустафа в поэтическом «кадре» поет марийскую народную песню. При этом обозначены трагический фон эпохи (1930-е гг.), приближающийся личный апокалипсис самого Кырли: *«Это Мустафа сквозь годы / Мчится к нам, спешит — поет, / Словно чуя — у свободы / Дверь захлопнется вот-вот! / Но кому негодной стала / Эта песнь, что даль, светла? — / Рельсы кончились. Устало / Песнь, как сердце, замерла: / «Ой, куница как играет / В тишине густых лесов! / Ой, клубника зацветает / В зеленях родных лугов!..»*²¹ (перевод Г. Смирнова).

В стихотворении «Два певца» представлены сцены творческого общения двух выдающихся деятелей марийской культуры — композитора И. Ключникова-Палантая (1886–1926) и родоначальника марийской литературы, поэта С. Чавайна (1888–1937). Примечательно «участие» природы, которая голубыми

²¹ Ояр-Сабанцев Г. Всполохи сердца: стихи... С. 132–133.

небесами и сияющим солнцем показывает свое расположение: *«Два сына марийского края степенно / Беседу ведут. А вокруг ни души. / Лишь солнце сияет над облаком пенным... / Смолкают. Становятся рядом. Их взоры / Куда-то в далекое обращены. / Над ними небес голубые просторы...»*²² (перевод Г. Смирнова).

Другой текст²³, адресованный марийскому писателю Миклаю Казакову (1918–1989), по своей природе более пафосный, риторически акцентированный. Автор воздаст должное классика национальной словесности, называет его наследником Чавайна, подчеркивает значимость его роли в художественном «возвышении» марийского языка.

Родному языку Г. Ояр посвящает стихотворение. Национальный поэт, для которого язык предков — основа основ, изначально понимает / предчувствует, что произведение на эту тему будет «программным», этически беспримысленным, его непременно занесут на страницы школьных учебников. Г. Ояр, большой знаток татарской литературы, в написании своего текста, по-видимому, ориентировался и на два культовых стихотворения татарской и башкирской литератур — «Туган тел» («Родной язык») Габдуллы Тукая и «Татар теле» («Татарский язык») Назара Наджми. Произведение «Мой марийский язык» Ояра привлекает внимание наличием поэтически оригинального индивидуально-авторского ощущения своего языка: *«Шумят слова — деревья вековые, / И вижу я цветущие поля... / Родной язык — пчелиная царица, / Пчелиный рой вокруг тебя — народ...»*²⁴ (перевод М. Василевской).

Г. Ояр останавливается и на острой социальной проблеме нежелания марийцев говорить на родном языке. Автор не приемлет языкового беспамятства, языковой, культурной безответственности: *«Родной язык, из наших душ ты вырос, / Но есть еще несчастные пока: / Стыдятся, что на свете появилась? / Стыдятся слов родного языка?»*²⁵ (перевод М. Василевской).

Ассоциативная цепочка «рождение — жизнь — язык — этнос — культура» является для марийского поэта аксиомой.

Одно из поэтических преломлений темы этнической идентичности — мотив встречи марийцев на чужбине. Родина для лирического героя — не пространственная категория, а прежде всего — духовная, эмоциональная, языковая «работающая» действительность. Внезапное пересечение с соплеменником вдалеке от дома приводит к пробуждению этнического самосознания, обостряет чувство родины, тоски по ней. Рассматриваемый мотив, к слову, в большей степени характерен для национальных литератур советского периода, отражающих перемещение субъекта в поисках себя и своего по великой стране. Неожиданные встречи марийцев как ситуация проявления этнической

²² Ояр-Сабанцев Г. Всполохи сердца: стихи... С. 134.

²³ Там же. С. 135.

²⁴ Там же. С. 126.

²⁵ Там же. С. 126.

самоидентификации имеют место в проанализированных выше стихах Валентина Колумба. Г. Ояр, развивая художественное ощущение родства, делает акцент на языке: *«Как соседи на родине — больше! — / Как родня, будем встречу беречь... / Нет звучнее, блаженнее — божье! — / Чем марийская мягкая речь...»*²⁶ (перевод Г. Пирогова).

Язык для марийского этнофора — главный «код» этнической принадлежности, важнейшая духовная ценность, культурный ресурс. К сожалению, такая точка зрения среди молодого поколения марийцев становится всё менее распространенной.

Другая концептуальная марийская ментальная черта, этнокультурная парадигма — родственно-бережное отношение к природе. В стихотворении Г. Ояра «Нам завещано» «прописаны» эти этноэкологические обыкновения, регулирующие взаимоотношения человека с окружающим миром: *«Березняк, и дубрава, и роща... / Наш язык от древесных ветвей. / На природу мариец не ропщет — / Поклоняется, молится ей. / Не бранил ни травы, ни листочка, / И озерам в лицо не плевал, / Только черпал и пил по глоточку, / Только жажду в жару утолял. / Не о прозвищах речь, если имя — / Чимари, — значит, в помыслах чист. / На рубашке — луга, а под ними / Бьется сердце, как трепетный лист. / И подобно водице в ладонях, / Всё грядущее в наших руках. / Мы и капли ее не уроним, / Чтобы свет серебрился в очах...»*²⁷ (перевод Г. Смирнова).

В тексте автор оперирует сложным концептом марийского мировоззрения **чимари**, при помощи которого обозначают «чистых» марийцев, придерживающихся традиционных верований.

Геннадия Ояра с уверенностью можно назвать поэтом-лириком, тонким психологом, умеющим достоверно писать о любви. Любовные тексты у него в большей степени пронизаны печалью, болью утраты, в них воспроизводятся сюжеты из прошлого. Нельзя не отметить размеры таких стихотворений — мемуаристские нарративы требуют значительного текстового простора. Кроме того, устройство произведений рассматриваемой тематики у Г. Ояра не кажется простым: взаимоналожение времен, топосов, реальное и фикциональное взаимодействие субъектов любовной коммуникации, неоднозначность эмоций и оценок авторского «Я». Любовь, представленная в стихах Ояра, созерцается-вспоминается сквозь годы одиночества. Она обычно удалена от момента настоящего. В тексте «Фото на память» фотография переносит лирического героя в один из далеких майских дней, ассоциирующихся с хрупкостью личного счастья, ощущением эмоционального, экзистенциального пика любви, с предчувствием смертеподобной разлуки. В произведении «срабатывает» мифология мая, месяца «переходного», мистического, обостряющего чувства, реакции, дарящего влюбленным надежду на вечность единения: *«Тот май, его*

²⁶ Ояр-Сабанцев Г. Всполохи сердца: стихи... Там же. С. 138.

²⁷ Там же. С. 125.

*грозы и грезы / В моей неизбывны судьбе! / Стоишь, прислонившись к березе, / А может — береза к тебе...»*²⁸ (перевод Г. Смирнова).

Частично цитируемое стихотворение, по всей вероятности, сюжетно, на образно-ассоциативном уровне перекликается с известным стихотворением татарского поэта Роберта Миннуллина «Ак каеннар арасына» («Между белых берез»), которое стало популярной песней. Геннадий Ояр дружил с Р. Миннуллиным, хорошо знал его творчество, переводил его тексты на марийский язык.

Выразительный образец «напряженной» любовной лирики Г. Ояра — стихотворение «Неужели ничто не встревожит наших душ?», «оркестрованное» устойчивыми мелодраматическими мотивами, штампами: «своя» любимая становится чужой женой, забытое в действительности оказывается обжигающе-живым, параллельные дороги судеб пересекаются, время, вопреки ожиданию, не лечит. Любовное чувство сравнивается с песней, музыкой: «*Ворошу в своей памяти сколы, / И ищу себя в прошлой стране, / Где душою мелодия правит, / Струны дальние близко звучат. / Ничего уж теперь не исправить — / Песня та не вернется назад...*»²⁹ (перевод Г. Смирнова).

Любовь у Геннадия Ояра «рифмуется» с несвоевременностью, опозданием: «*Молодого или старого / Будто пламя обожжет / От вопроса запоздалого: / «Где же, счастье ты мое?»*»³⁰ (перевод М. Василевской).

Любовь, счастье в восприятии лирического героя — кратковременные / недостижимые состояния. Состояние «после любви», напротив, длится годами.

Мифологическая сила приписывается слову любимой:

*Только словом одним
Ты могла обратить
Землю в рай или ад...*³¹

(Перевод Г. Смирнова)

Вероятно, такое «преувеличение» — не только художественно эффектный риторический прием, но и проявление сакрального отношения к слову, языку, характерное для финно-угорских культур.

Стихи Г. Ояра представляют интерес и в психологическом аспекте. Последовательно прослеживается стремление лирического субъекта уйти от ответственности большой любви. Ему нужны «вспышки», пламя. Послелюбовное томление, «тление» удобны в творческом смысле, вдохновляют на написание стихов.

Часть стихотворений, посвященных любовной теме, написаны с позиции «Мы», которая в поэтическом дискурсе Ояра регулярно противопоставляется

²⁸ Ояр-Сабанцев Г. Всполохи сердца: стихи... Там же. С. 74.

²⁹ Там же. С. 75.

³⁰ Там же. С. 77.

³¹ Там же. С. 79.

«Я»-высказываниям. Геннадий Ояр — поэт подчас скрытых противоречий. Его авторская психология характеризуется различного рода «колебаниями»: от чрезмерной финно-угорской робости, стеснительности, растворения в чужом мнении до пафосно-менторского предъявления своего жизненного опыта, абсолютной уверенности в своей правоте, уникальности личной философии.

Пожалуй, наиболее слабые тексты Г. Ояра — о «прозрачности» существования, о высоких неоспоримых смыслах бытия. Экзистенциальные выводы данного проблемно-тематического блока стихотворений нельзя назвать оригинальными. Способы их поэтического представления далеки от «нестандартов» художественного своеобразия:

*Только годы вот спешно уходят.
И по жизни выходит лишь так:
Устремленный лишь счастье находит...³²*
(Перевод Г. Смирнова)

*Я, прошедший жизни половину,
Говорю юнцам, смиряя пыл:
Будет легче зрелому мужчине,
Если смелым в молодости был...³³*
(Перевод Г. Смирнова)

*Жизнь-судьба нам займы не дается,
И нужды нет ее возвращать.
Надо жить. Но не так, как придется...³⁴*
(Перевод Г. Смирнова)

Как и старший коллега Валентин Колумб, Геннадий Ояр серию стихотворений посвящает теме песни, музыки. В текстах «Песня как птица»³⁵, «Родная песня»³⁶, «Как славно выводит мелодию дева»³⁷, «Народная песня»³⁸ не просто подчеркивается важная роль песни, музыки в жизни человека, им приписывается целый ряд свойств. На вершине музыкальной иерархии у Г. Ояра — народная песня, которая «боль твоя и сила, / голос сердца, нежность души»³⁹. В песнях нет временных границ, прошлое с легкостью возвращается в настоящее:

³² Ояр-Сабанцев Г. Всполохи сердца: стихи... С. 99.

³³ Там же. С. 98.

³⁴ Там же. С. 100.

³⁵ Там же. С. 69.

³⁶ Там же. С. 70.

³⁷ Там же. С. 71.

³⁸ Там же. С. 72–73.

³⁹ Там же. С. 72.

*Я люблю один с биеньем сердца,
Словно в гости, песню приглашать,
Время вспять вернется, стукнет в дверце —
Начинаешь прошлое листать...*⁴⁰

(Перевод Г. Смирнова)

Для марийского поэта песня — средоточие народной мудрости, в каждом слове — веками отточенные обыкновения жизни. Песня преподносится как уникальный аксиологический ресурс марийского этноса. Песня в поэзии Г. Ояра прочно связана с женским миром. Именно в женском исполнении песня обретает душевную высоту, мягкую преобразующую человека силу. Песня дает почувствовать географическую протяженность марийской цивилизации:

*В моркинской стороне иль на Урале,
На Белой иль на Волге — там и тут —
О, как мне нежно голоса звучали:
В селе марийском девушки поют...*⁴¹

(Перевод Г. Смирнова)

Еще одно выразительное образное определение песни — птица, ассоциирующаяся со свободой, небом, женщиной.

В цепочке поэтических образов Г. Ояра видное место занимают звери и птицы. Такие животные сопоставляются с людьми. Так, тигр и человек⁴², согласно авторским убеждениям, не должны жить в золотой клетке, напротив, должны оставаться свободными, самими собой. Образ волка⁴³ обыгрывается автором в связи с поговоркой «человек человеку волк». Ояр категорически не согласен с таким утверждением, он отказывается становиться волком. Его жизненное кредо — дружба и любовь. В творчестве марийского поэта регулярно звучат пацифистские интонации, дискурс ярости, сопротивления, несогласия, противостояния встречаются реже.

Образ жаворонка — один из востребованных финно-угорской и тюркской поэтическими традициями (см.: стихотворение удмуртского поэта и этнографа Омеля Лади «Марлы кырза тюрагай» («Отчего поет жаворонок»), в котором лирический герой также пытается разгадать таинственные послы пения птицы). В стихотворении Г. Ояра «Жаворонок. На родине» жаворонок вписан в ностальгический контекст, символизирует социальное неблагополучие родной земли. Птица не поет, а словно оплакивает заросшие, заброшенные поля малой родины: «Там колокольчиком с небес / Лилась к нам жаворонка песнь — /

⁴⁰ Ояр-Сабанцев Г. Всполохи сердца: стихи... С. 72.

⁴¹ Там же. С. 70.

⁴² Там же. С. 121–122.

⁴³ Там же. С. 119.

*Хвала крестьянскому житью, / Хвала богатому жнивью. / О чем поет сегодня он? / Похожа песнь его на стон. / Летая в небесах кругом, / Уже не хвалит поле он. / Рожь да пшеница не растут — / Стеной кустарники встают. / И жаворонок не поет — / Своим рыданьем сердце рвет...*⁴⁴ (перевод М. Василевской).

В книгу Г. Ояра «Всполохи сердца» вошли и автопереводы, представляющие читателю «Чукотский цикл»⁴⁵. Марийский поэт жил и работал на Чукотке, встреча с которой переросла в развернутые художественные впечатления. Цикл состоит из 24 стихотворений, передающих подробности своей чукотской жизни. Ояр при этом далеко не всегда придерживается упрощенной установки «Пою о том, что вижу». Он с переменным успехом стремится уловить / поэтически выразить метафизику этой древней земли. Чукотский цикл, бесспорно, требует специального рассмотрения. Нам же важно подчеркнуть, что Г. Ояр не замыкается только на знакомых топосах, понятных пространственных мирах, он не боится осваивать другие ландшафты, творчески соприкасаться с чужими далекими этнокультурами. Геннадий Ояр — один из множества национальных писателей (как и марийский классик Валентин Колумб), которых привлекали Крайний Север и Дальний Восток, кто обратился к травелогу, тем самым обновляя жанрово-стилевую реальность своей литературы.

Одним из заметных опытов циклизации в творчестве Г. Ояра представляется поэтический венок «Год любви»⁴⁶. В его основе — «месячная» модель времени, месячный отсчет жизни. Год любви в цикле начинается с апреля и заканчивается мартом. Очевидны смещение темпоральных границ, нарушение физических законов природы при помощи субъективных человеческих представлений, желаний. Каждое стихотворение цикла обращено к конкретному месяцу, включает в себя как импрессионистические зарисовки, так и размышления автора о прожитом и проживаемом, радостях и печалях большой жизни. С точки зрения содержания, критериев художественной ценности венка нельзя отнести к литературным удачам автора. Русскоязычный перевод кажется тяжелым и пафосным, многословно-повествовательным. Последовательно прослеживается привязанность текстов к определенным формальным требованиям. Г. Ояру непросто даются конструирование «крупных» поэтических форм, последовательно-связанное развертывание концептуальных сюжетов.

Заключение

Геннадий Сабанцев-Ояр — один из наиболее показательных современных марийских авторов — поэт умеренных «художественных температур». Характеристической чертой его поэзии можно считать традиционно-предсказуемый выбор тем, контекстов для лирического осмысления в 1990–2010-е гг. — жизнь

⁴⁴ Ояр-Сабанцев Г. Всполохи сердца: стихи... С. 106.

⁴⁵ Там же. С. 154–185.

⁴⁶ Там же. С. 141–153.

человека и природы, жизнь / смерть любви, ощущение времени и своего / чужого пространства, осознание собственной этнической идентичности, представление сложного отношения к отдельным историческим событиям и современности в целом. Следует подчеркнуть, что Г. Ояру повезло с переводчиками — Г. Смирнов, М. Василевская перенесли на русский язык без существенных искажений элементы авторской поэтики, основные особенности содержательной стороны стихотворений.

Рассмотренные в статье художественные особенности поэзии Ояра в значительной степени отражают стратегию развития современной марийской литературы. Полученные в ходе анализа выводы могут быть интересны в стадиально-типологическом аспекте, привлечены в ходе системного сравнительно-сопоставительного исследования разнородных национальных литератур.

Одно из возможных направлений качественного развития творчества Г. Ояра — обращение к фольклору и мифологии мари, усиление художественной роли «этнопоэтических констант» [12].

Список литературы

1. Современная марийская лирика: художественные модели мира и поэтика творческой индивидуальности: коллективная монография / Р.А. Кудрявцева, Н.Н. Старыгина, Н.И. Любимов и др.; сост. и науч. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола : Марийский государственный университет, 2022. 181 с.
2. Арзамазов А.А. Марийско-удмуртские поэтические параллели и контрасты : опыт компаративного прочтения. Казань : Издательство АН РТ, 2022. 316 с.
3. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т. Локальные тексты в русской литературе. Москва : Юрайт, 2022. 109 с.
4. Сафиуллин Я.Г. От романтизма к сопоставлению литератур / науч. ред. М.И. Ибрагимов, сост.: В.Р. Аминев, Э.Ф. Нагуманова, А.З. Хабибуллина. Казань : Изд-во Института языка, литературы и искусства, 2021. 576 с.
5. Аксиологическая парадигма марийской литературы XX–XXI веков: коллективная монография / Р.А. Кудрявцева, Т.Н. Беляева, Г.Е. Шкалина и др.; сост. и науч. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола : Марийский государственный университет, 2019. 353 с.
6. Налдеева О.И. Современная мордовская поэзия: основные тенденции и художественные ориентиры: монография. Саранск : Мордовский государственный педагогический институт, 2013. 285 с.
7. Султанов К.К. Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. Москва : ИМЛИ РАН, 2019. 352 с.
8. Загидуллина Д.Ф. Татарская поэзия и проза рубежа XX–XXI вв.: эстетические ориентиры и художественные поиски: монография. Казань : Татарское книжное издательство, 2018. 287 с.
9. Дамтилова Л.С. Духовно-культурные коды в поэзии монгольских народов. Иркутск : Отгиск, 2016. 244 с.
10. Бахтикреева У.М. Творческая билингвальная личность: национальный русскоязычный писатель и особенности его русского художественного текста. Москва : Триада, 2005. 192 с.
11. Манаева-Чеснокова С.П. Художественный мир современной марийской поэзии: монография. Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2004. 188 с.
12. Гацак В.М. Фольклор память традиции: уровни и формы этнопоэтической константности // Вестник Дагестанского научного центра. 2000. № 8. С. 95–103.

References

1. Kudryavtseva, R.A., Starygina, N.N., Lyubimov, N.I. et al. 2022. *Modern Mari lyrics: artistic models of the world and the poetics of creative individuality*: collective monograph. Yoshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet publ. Print. (In Russ.)
2. Arzamazov, A.A., 2022. *Mari-Udmurt poetic parallels and contrasts. Comparative reading experience*. Kazan: Izdatel'stvo Akademii nauk Tatarstana publ. Print. (In Russ.)
3. Shafranskaya, E.F., and G.T. Garipova. 2022. *Local texts in Russian literature*. Moscow: Yurait publ. Print. (In Russ.)
4. Safiullin, Ya.G. 2021. *From romanticism to comparison of literatures*. Kazan: Izdatel'stvo Instituta yazyka, literatury i iskusstva publ. Print. (In Russ.)
5. Kudryavtseva, R.A., Belyaeva, T.N., Shkalina, G.E. et al. 2019. *Axiological paradigm of Mari literature of the 20th–21st centuries*: collective monograph. Yoshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet publ. Print. (In Russ.)
6. Naldeeva, O.I. 2013. *Modern Mordovian poetry: main trends and artistic guidelines*: monograph. Saransk: Mordovskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut publ. Print. (In Russ.)
7. Sultanov, K.K. 2019. *Angle of refraction. Literature and identity: the communicative aspect*. Moscow: IMLI RAS publ. Print. (In Russ.)
8. Zagidullina, D.F. 2018. *Tatar poetry and prose at the turn of the XXth–XXIst centuries: aesthetic guidelines and artistic searches*: monograph. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo publ. Print. (In Russ.)
9. Dampilova, L.S. 2016. *Spiritual and cultural codes in the poetry of the Mongolian peoples*. Irkutsk: Ottisk publ. Print. (In Russ.)
10. Bakhtikireeva, U.M. 2005. *Creative bilingual personality: national Russian-speaking writer and features of his Russian literary text*. Moscow: Triada publ. Print. (In Russ.)
11. Manaeva-Chesnokova, S.P. 2004. *The artistic world of modern Mari poetry*: monograph. Yoshkar-Ola: Mariiskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury i istorii publ. Print. (In Russ.)
12. Gatsak, V.M. 2000. "Folklore memory of tradition: Levels and forms of ethnopoetic constancy." *Bulletin of the Dagestan Scientific Center*, no. 8, pp. 95–103. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Арзамазов Алексей Андреевич — доктор филологических наук, заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Казанский научный центр Российской академии наук, Российская Федерация, 420111, Республика Татарстан, Казань, ул. Лобачевского, д. 2/31; профессор кафедры русистики, этноориентированной педагогики и цифровой дидактики, Институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0001-7577-5917. eLibrary SPIN-код: 9789-1083. E-mail: arzami@rambler.ru

Bio note:

Aleksey A. Arzamazov is a Doctor of Philology, Head of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2/31 Lobachevsky St, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Professor of the Department of Russian Studies, Ethnic-Oriented Pedagogy and Digital Didactics, Institute of Russian Language, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7577-5917. SPIN-code: 9789-1083. E-mail: arzami@rambler.ru